

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

**По Германии и Голландии.
Путевые очерки и
впечатления**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
По Германии и Голландии. Путевые очерки и впечатления / Немирович-Дан-
ченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 480 с.

ISBN 978-5-519-99010-3

ISBN 978-5-519-99010-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Добрые сосѣди и крѣпость со всѣми онѣрами. — Стратегическіе переселенцы.—Офицерство.

Меня давно интересовалъ вопросъ—насколько вѣрны рассказы путешественниковъ о тѣхъ замыслахъ, которые питаютъ наши добрые сосѣди-пруссаки на нашъ счетъ и въ какой степени справедливы печатавшіеся за послѣднее время въ русскихъ газетахъ письма корреспондентовъ о враждебномъ къ намъ настроеніи нѣкогда благодѣтельствованнаго нами нѣмца Михеля. Проѣзжая черезъ Германію—я останавливался поэтому въ различныхъ пунктахъ ея подолгу и внимательно присматривался ко всему чтò оказывалось передо мною. Дѣйствительность, надо сказать правду, превзошла всякія ожиданія. Уже въ Кенигсбергѣ—мнѣ пришлось натолкнуться на весьма въ этомъ отношеніи знаменательные факты. Я такъ много слышалъ о всевозможныхъ крѣпостяхъ, сооруженныхъ прусскими инженерами у насъ подъ бокомъ, что разумѣется на первыхъ же порахъ постарался провѣрить казавшіеся мнѣ слишкомъ великолѣпными описанія тамошнихъ военныхъ, прибѣгающихъ даже къ языку боговъ, т. е. къ поэзіи, для изображенія—этихъ твердынь своего фатер-ланда. Насколько было возможно для непосвященнаго,

я видѣлъ и спрашивалъ, чтобы убѣдиться какъ дорого цѣнить время и какъ имъ умѣть пользоваться все тотъ же предусмотрительный Михель.

Нѣмцы мало того, что настроили крѣпостей по нашей границѣ и близь нея,—нѣтъ! Они, не ограничиваясь со- оруженіемъ валовъ, фортовъ, блиндированныхъ казема- товъ, великолѣпныхъ казармъ, превосходно защищен- ныхъ и недоступныхъ тунелей, глубокихъ рвовъ, обнару- жили въ этомъ отношеніи еще и бездну своего особен- наго, чисто военного шика. Я, помню съ какимъ изумле- ніемъ мнѣ приходилось останавливаться передъ воро- тами хотя бы кенигсбергской крѣпости. Чего-чего только нѣтъ тутъ! И готическія башенки, и стрѣлки, и ба- рельефы. Видно, что денегъ на сей предметъ у нихъ было много, такъ много, что даже экономный пруссакъ не ограничился однимъ необходимымъ, а украсилъ это необходимое всякими дорого стоящими излишествами. Въ общемъ получилась не только—не- приступная (по мнѣнію нашихъ сосѣдей) крѣпость, но и образцовое архитектурное сооруженіе, такъ что ни одна вольнонаемная кенигсбергская дѣвица не можетъ пройти мимо, чтобы не раскудахтаться по этому по- воду. Бываютъ даже спеціальныя гулянья у крѣпост- ныхъ воротъ, причемъ солидные шнельклопсы, подъ восторженное аханье своихъ подругъ, заложивъ руки въ карманы и уставивъ лбы по-бычачьи, безмолвно лю- буются, до чего прекрасенъ сталъ ихъ великолѣпный фатерландъ. «И тѣмъ болѣе, что намъ это ничего не стоило»,—съ счастливымъ спокойствіемъ разсуждаютъ они.—«Все заплатили Жакъ Бономъ и Жеромъ Патюро».

— У васъ, говорятъ, тоже будутъ крѣпости? съ нѣкоторой ироніей спрашивали у русскихъ здѣшніе политики.

— У насъ онѣ уже есть—милости просимъ!

— Не просите, мы и сами придемъ,—посмотрѣть. Мы любимъ путешествовать, только по предварительнымъ планамъ, составленнымъ Мольтке и его генеральнымъ штабомъ.

Крѣпость, дѣйствительно, построена превосходно. Военные авторитеты единогласно признаютъ ее образцомъ подобныхъ сооруженій, хотя о неприступности ея нечего говорить. Неприступность какъ у крѣпостей, такъ и у дѣвицъ, вообще, сомнительна. Дѣвственны изъ нихъ только тѣ, къ которымъ никто не приступалъ. Такихъ фортификаціонныхъ старыхъ дѣвъ нынче что-то не видно! Надо полагать, что, въ концѣ-концовъ, и приступать-то будетъ не за чѣмъ: разъ война вся основывается нынче на дѣйствіяхъ большими массами—ну и поставятъ у крѣпости заслономъ отрядъ, а сами—dahin, dahin... Да и крѣпости-то нынче появились движущіяся. Всякій полкъ, вооруженный шанцевымъ инструментомъ—та же крѣпость.

— И у васъ тоже строятся по границѣ,—хитро подмигнувъ мнѣ нѣмецкій офицеръ, съ которымъ я разговаривалъ у крѣпостныхъ воротъ по дорогѣ на Hufen.

— Вы видѣли?

— Да... Я сдѣлалъ увеселительную прогулку. Мой дядя имѣетъ земли въ Россіи.

Воображаю, насколько для насъ эта прогулка была «увеселительна».

— О, да... И вы строитесь,—продолжалъ онъ. Мы ставимъ крѣпость—а вы, напротивъ, церковь... Что-же, это очень, очень хорошо... Церкви хорошія.

— У вашего дяди большое имѣніе?

— О, да! Очень большое.

— Значить, онъ богатый человѣкъ?

— Прежде не былъ. Намъ *помогаютъ* покупать имѣнія «на востокъ». Онъ взялъ большой участокъ и пригласилъ изъ Помераніи и Бранденбурга извѣстныхъ ему лицъ. Они сейчасъ-же сняли у него земли и теперь богатѣютъ. Вы, тутъ, можете даже говорить по-русски. Я привезъ съ собою сына дяди—моего кузена и еще четырехъ молодыхъ людей оттуда-же—изъ его арендаторовъ. Они отбываютъ у насъ воинскую повинность. Они прекрасно говорятъ по-русски. Мы, впрочемъ, всѣ учимся вашему «превосходному» языку.

— Кто-же вамъ помогаетъ покупать имѣнія на «востокъ».

— Да... знаете... Есть на это разные фонды и капиталы...

И отъ дальнѣйшихъ объясненій онъ уклонился.

А изученіе русскаго языка распространяется здѣсь чрезвычайно. И не въ одной Восточной Пруссіи, гдѣ очень и очень многіе васъ поймутъ; не въ Берлинѣ только, гдѣ офицеры генеральнаго штаба обязательно занимаются нашимъ «превосходнымъ языкомъ», но и въ Кобленцѣ, и въ Кельнѣ. Всюду, гдѣ я ни былъ, я находилъ не мало между этими выпученными марсами людей, недурно говорящихъ по-русски. Удалившіеся изъ Россіи еврейчики, ради пропитанія, давали имъ уроки или держались для практики, хотя большинство учившихся по полкамъ имѣли болѣе знающихъ преподавателей. Къ тому-же—постоянныя «увеселительныя» поѣздки на «востокъ», т. е. къ намъ, въ Россію, къ дядямъ, купившимъ имѣнія на счетъ какихъ-то фондовъ—тоже значительно помогли этому. Только за послѣднее время нѣмцы начинаютъ жаловаться на то, что въ Россіи

мало говорятъ по-русски. Именно въ районѣ <увеселительныхъ поѣздокъ> до того распространилось употребленіе нѣмецкаго языка, что даже многіе лакеи въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, между Вержболовомъ и Вильной, плохо понимаютъ по-русски и обращаются къ вамъ съ нѣмецкими фразами. А желѣзнодорожная служба, несмотря ни на какія министерскія распоряженія—все же остается въ германскихъ лапахъ. Бумага тутъ нисколько не измѣнила дѣла.

Больше всего отъ <усиленія русскаго элемента> въ Царствѣ Польскомъ выиграли наши добрые сосѣди—пруссакки. Имѣнія, розданныя нашимъ чиновникамъ, перешли почти цѣликомъ къ нѣмецкимъ хозяевамъ, разнымъ отставнымъ военнымъ, которымъ германское правительство оказало при этомъ всевозможную помощь. Тамъ, гдѣ такія земли не проданы нѣмцамъ—онѣ розданы имъ на долгосрочныя аренды. Насколько была выгодна замѣна прежняго землевладѣнія прусскимъ, покажутъ сами обстоятельства, но что она была выгодна нашимъ померанскимъ и бранденбургскимъ друзьямъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Подъ носомъ у насъ, подъ самыми стѣнами нашихъ крѣпостей, по всѣмъ стратегическимъ линіямъ, по обѣ стороны дороги, въ узлахъ всякаго рода сообщеній—земли принадлежатъ нѣмецкимъ переселенцамъ. Можно думать, что въ выборѣ мѣстъ для покупки, въ выборѣ участковъ для своихъ хозяйствъ они руководились не экономическими соображеніями, а картами и указаніями берлинскаго генеральнаго штаба. Прибавьте къ этому, что за каждымъ переселенцемъ тянутся десятки другихъ, что работниками, приказчиками, надсмотрщиками и управляющими у нѣмца являются нѣмцы-же... Даже и теперь положеніе дѣлъ

такowo, что переселившійся къ намъ пруссакъ чувствуетъ себя гораздо свободнѣе и лучше, его дѣятельность менѣе стѣснена, чѣмъ у его сосѣда-славянина. Этотъ и выѣхать-то изъ имѣнія можетъ лишь по предварительному разрѣшенію, и всякое свое хозяйственное предпріятіе выполнить послѣ цѣлаго ряда хлопотъ, ну а герры Шульцы, Шмиты и Мюллеры вольны поступать, какъ имъ будетъ угодно. А посмотрите какихъ чудесъ понастроили эти Шульцы, Шмиты и Мюллеры у самыхъ нашихъ крѣпостей!.. Тамъ стоятъ такія фабрики, что достаточно нѣсколькихъ дней и, при помощи землевладѣющаго у насъ ландвера,—онѣ будутъ обращены въ контръ-крѣпости!.. Они, эти добрые сосѣди, не теряли времени и пока мы писали сентиментальныя ноты—шибко приготовились къ дѣлу! Во всемъ этомъ есть одно соображеніе, которое надо намъ имѣть въ виду и обдумать его прежде чѣмъ придетъ женихъ въ ночи и застанетъ евангельскихъ глупыхъ дѣвъ спящими. Я говорю о тѣхъ 220,000 пруссакъ, которые поселились у насъ въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ подъ видомъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ, рабочихъ на фабрикахъ, фабрикантовъ и проч. Всѣ они или почти всѣ ландверисты или состоящіе въ безсрочномъ отпуску солдаты. Вездѣ гдѣ рабочіе—солдаты, заправляетъ ими арендаторъ или фабрикантъ—ихъ же капитанъ. Дисциплина—великолѣпная и роты *на случай* готовыя. Ожидать чего-либо добраго для насъ отъ того, что они примутъ подданство—мудрено, ибо Бисмаркъ добился закона, по которому пруссакъ, переходящій въ иностранное подданство, считается только временно отбывшимъ и остается все-таки подданнымъ прусскаго короля. Представьте теперь—что должно случиться при объяв-

леніи войны Германіи съ нашей стороны или намъ съ ихъ стороны. Они у насъ—въ Царствѣ Польскомъ по всѣмъ стратегическимъ линіямъ въ день «объявленія» имѣютъ 220,000-ю армію! Армію, которая такъ сказать, уже вторглась въ предѣлы Россіи и заняла въ ней великолѣпныя боевыя позиціи. Нечего утѣшаться тѣмъ, что мы можемъ выбросить ихъ обратно въ Германію. Во-первыхъ, на это не будетъ времени, а во-вторыхъ—этимъ оцѣтъ-таки мы только усилимъ мобилизацію германской арміи, подаривъ ей 220,000 солдатъ. Есть одно средство — препроводить всѣхъ этихъ «колонистовъ» предварительно въ Саратовскую и Самарскую губерніи, или переселить ихъ теперь-же обратно въ Пруссію, тѣмъ болѣе, что послѣдняя въ этомъ подала намъ уже замѣчательный примѣръ безцеремонности и жестокости. Разумѣется это варварство—но какой-же иной выходъ? Сосѣди наши слишкомъ безцеремонны. Они отняли у себя право жаловаться на подобныя мѣры изгнаніемъ изъ своихъ предѣловъ дѣйствительно мирныхъ рабочихъ тысячами и десятками тысячъ. За Пруссіей не было даже и того оправданія, что эти несчастные представляли для нея какое-либо неудобство «на случай». Я говорю, что нужно это сдѣлать сейчасъ-же, потому что начнись война—для того, чтобы парализовать эту силу понадобится такая-же громадная армія, сверхъ той, которая будетъ оперировать на прусской границѣ. Повторяю—опасность эта не призрачная, а дѣйствительная. Она растетъ въ насъ самихъ—и справиться съ ней сегодня еще можно, а завтра пожалуй будетъ уже и поздно. Имѣющіе уши да слышутъ. Бояться скандала нечего. Гвалтъ подымутъ разумѣется—въ Берлинѣ и всюду въ Германіи, но вѣдь тѣ же соображе-

нія не остановили пруссаковъ выполнить ихъ варварское выселеніе нашихъ подданныхъ? И какъ выполнить! Безъ всякой нужды — съ безсердечіемъ и злобой, напоминающими времена Атиллы.

Какъ въ Кенигсбергѣ, такъ и всюду въ Пруссіи мнѣ неразъ приходилось вступать въ сношенія съ прусскимъ офицерствомъ. Подъ смѣшной на нашъ взглядъ внѣшностью этихъ встопорщенныхъ индюковъ, которыхъ всякія Амалии и Каролины считаютъ чуть не Адонисами въ узкихъ панталопахъ—есть много, очень много хорошаго. Въ нашихъ полкахъ, даже наиболѣе сжившихся между собою, далеко нѣтъ того тѣснаго и дружескаго товарищества, которое вы замѣчаете у пруссаковъ. Нѣтъ нашей фамиллярности, зато существуетъ не фиктивная, а дѣйствительная солидарность всѣхъ носящихъ одинаковый мундиръ. Несмотря на свой распущенный хвостъ и великолѣпный видъ—нѣмецкій офицеръ, въ сущности, скромнень и приличень. Въ этомъ отношеніи онъ сильно, неузнаваемо измѣнился за послѣдніе годы. Случай, когда-бы онъ оскорбилъ бюргера, весьма рѣдки. Въ толпѣ въ собраніи, въ театрѣ — прусскій офицеръ не возвыситъ голоса, старается не выдѣляться изъ массы. Обратитесь къ нему съ вопросомъ—онъ поспѣшитъ удовлетворить ваше любопытство съ самою изысканной вѣжливостью. Мнѣ случалось видѣть, какъ въ конкахъ даже крупные военные чины вставали и, уступая мѣсто свое не «дамамъ», а женщинамъ, дѣлали, стоя на платформѣ, большіе концы. Послѣ франко-прусской войны они очень усовершенствовались. Они хотятъ перещеголять своихъ недавнихъ враговъ въ деликатности обращенія, въ воспитаніи. Они давно уже сбросили грубость прежняго

времени—и въ военныхъ клубахъ вы проведете съ удовольствіемъ цѣлыя вечера. Вы можете быть увѣрены, что они не подымутъ непріятнаго вамъ вопроса, намѣренно будутъ избѣгать всего, что можетъ оскорбить вашу національность... До мелочей даже. Французы, посѣщающіе Эмсъ, Кельнъ и Кобленцъ, изумляются именно «предупредительности» нѣмецкаго офицера. Къ нимъ относятся не только какъ къ пріятнымъ собесѣдникамъ: напротивъ, стараются примирить ихъ съ собою, заставить забыть недавнее прошлое. Грубость и хамство изъ военныхъ кружковъ ушли и не только остались, но колоссально развились въ бюргерской средѣ. Она дѣйствительно, ужасна. Тутъ, въ царствѣ невѣроятныхъ бегемотовъ, вы рискуете натолкнуться на оскорбленія и вообще почувствуете себя не ловко; между выпученной и вымуштрованной военщиной—иное дѣло. Сколько разъ я видѣлъ, какъ молодые офицеры предлагали на улицахъ свою руку старухамъ, съ трудомъ двигавшимся отъ одного тротуара къ другому, какъ весьма почтенные майоры (въ германской арміи — чинъ немаловажный) кидались къ фіакру, чтобы высадить совсѣмъ невѣдомую имъ даму въ преклонномъ возрастѣ, дававшую ей право пользоваться, увы, уже безкорыстными услугами нашего грубаго пола. Идетъ-ли прусскій офицеръ по лѣстницѣ съ сигарой въ зубахъ—стоитъ ему увидать даму, спускающуюся навстрѣчу, онъ не снимаетъ шапки, не сдѣлаетъ подъ козырекъ, если эта дама ему незнакома, но обязательно вынетъ папиросу или сигару изо рта и пройдетъ мимо нея, не куря. Въ вагонахъ—бюргеръ неотесанъ и ему мало дѣло до того, пріятны или нѣтъ дамѣ его сигары; но военный, если

онъ случится при этомъ — весьма предупредительно попросить его сначала освѣдомиться у спутницы—позволить-ли она курить. Мнѣ случалось бывать за табльдотами, гдѣ обѣдало офицерство. Разъ, не зная, что я русскій, они заговорили о нашихъ международныхъ отношеніяхъ; но появился мой пріятель, представилъ меня—и тотчасъ-же, съ неожиданною ловкостью, всѣ эти господа перевели разговоръ на нейтральную и одинаково пріятную почву и для меня, и для нихъ. Они заговорили о нашей литературѣ, о русскихъ поэтахъ и писателяхъ, съ которыми эти господа, кажушіеся такими истуканами по наружности, оказались весьма хорошо знакомы.

Русскій писатель, довольно часто бывающій въ Германіи, рассказывалъ мнѣ, что въ послѣднее время онъ не узнаетъ нѣмецкихъ женщинъ—до того онѣ стали будто-бы изящны; я съ этимъ совершенно не согласенъ, но за то могу сказать о нѣмецкихъ офицерскихъ ерушкахъ очень много хорошаго. Я уже не говорю о деликатности германскихъ офицеровъ между собою. Она въ всякихъ сравненій. Эта деликатность, при глубокомъ сознаніи товарищества, при тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ однополчанъ — объясняется большою выдержкой. Какъ это ни странно, а надо сказать правду — прогрессъ такого рода, замѣчаемый въ средѣ, которая должна-бы быть самою грубою, вовсе не коснулся германскаго университета. Тутъ бурши остались тѣми же, чѣмъ они были и прежде, развѣ только сдѣлались еще заносчивѣе и нетерпимѣе... Въ Берлинѣ, когда я проѣзжалъ черезъ него, была выставка орудій всѣхъ временъ и народовъ. Дѣваться было некуда. Я терпѣть не могу такихъ «военныхъ»